

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ ШАХТЁРОВ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ (1992–1999 гг.)

Рассматриваются цели и задачи протестного движения шахтёров России во время перехода к рыночным отношениям. Показывается их влияние на формы и методы протеста, приоритет политических союзников и т.д. В контексте выделенных этапов определяются причины изменений целей и задач, неоднозначное к ним отношение со стороны разных групп шахтёрского сообщества. Проводится сравнительный анализ с забастовочным движением 1989–1991 гг. Делается вывод о малоубедительности представлений об угрозе протестного движения шахтёров либерально-демократическому развитию страны в рассматриваемое время.

Ключевые слова: Россия; шахтёры; протесты; цели; задачи.

Центральным вопросом отечественной историографии в анализе протестного движения шахтёров России во время перехода к рыночным отношениям является определение его направленности. Одни историки считают, что очевидной целью борьбы рабочих было возвращение не только угольной отрасли, но и всего общества во времена «государственного социализма». По их мнению, протестное движение несло угрозу либерально-демократическому развитию страны [1, 2 и др.]. Другие исследователи, напротив, утверждают, что борьба рабочих угольной отрасли послужила препятствием на пути дальнейшего обнищания трудящихся, роста социальной дифференциации, а также уничтожения ростков демократии и нового государственного строительства [3–5 и др.]. Обе позиции до сих пор подкрепляются новыми и весьма убедительными аргументами [6, 7 и др.]. Противоречивость мнений по данному вопросу свидетельствует о сложности протекавших событий, неоднозначном поведении горняков и их представительных органов в контексте общей борьбы рабочего класса России, которая уже не выглядела столь единодушной и однонаправленной, как это было в период «перестройки» (1989–1991 гг.).

Трансформационные процессы 1990-х гг. существенно изменили взгляды российских рабочих на то, как необходимо отстаивать социально-экономические права и интересы в новых капиталистических условиях. Борьба широких народных масс против падения уровня жизни началась фактически с первых дней либеральных преобразований. В силу более выгодного социально-экономического положения [4. С. 182] рабочие угольной промышленности не сразу подключились к разворачивавшемуся по всей стране протестному движению. Однако на фоне быстрого роста цен и падения уровня жизни их социально-экономические преимущества быстро иссякали. Горняки вынуждены были активнее включаться в отстаивание своих трудовых прав. Попытки защитить свои интересы через суд оказались бесперспективными [8. Л. 58, 85]. Это стимулировало применение широкого перечня форм и методов протеста, в том числе и незаконного характера.

Новые политические и экономические реалии определили вектор шахтёрской борьбы, в основе которой находились иные, нежели в конце 1980-х гг., цели и задачи. В течение анализируемого периода они

менялись, что было следствием динамики политических и социально-экономических причин и факторов протестного движения. Исследование показало, что в эволюции целей и задач борьбы можно выделить ряд отдельных этапов, критерием классификации которых является степень радикализации взглядов горняков. На первом этапе (1992–1997 гг.) они становились всё более оппозиционными по отношению к власти. В ходе второго этапа (январь – июль 1998 г.) цели и задачи шахтёров достигли пика непримиримости. Третий этап (август 1998 г. – 1999 г.) стал временем, когда стратегия и тактика борьбы рабочих угольной промышленности приобрели компромиссно-консенсусный характер. Этапы эволюции целей и задач в целом совпадают с динамикой протестного движения, которое соответственно указанному времени испытало подъём, кульминацию и спад.

На первом этапе шахтёры постепенно возвращают место авангарда борьбы рабочего класса России. В основе их протестного движения, в общем, был тот же смысл и те же ценности, что и в ходе крупномасштабных забастовок рубежа 1980–1990-х гг. – это стремление лучше жить, а именно: иметь стабильную и достойно оплачиваемую работу, обладать реальным механизмом защиты своих социально-экономических интересов, свободно и эффективно выражать собственную политическую позицию и т.д. На фоне широкой преобразовательной деятельности Кремля ни о каких реформах, в том числе и в сфере политических отношений, рабочие угольной промышленности не помышляли.

В начале 1990-х гг. инерция забастовочного движения, подпитываемая идеологией рабочекотов и других либерально настроенных рабочих организаций (например, Союза трудящихся Кузбасса), ориентировала политический потенциал шахтёров на реализацию демократических преобразований, провозглашённых Б. Ельциным. Подавляющее большинство рабочих продолжали верить президенту России, несмотря на усиление негативных тенденций в экономике и социальной сфере шахтёрских городов и посёлков. Противостояние Б. Ельцина и «консервативного» парламента отвлекало трудящихся от мысли об эффективности исполнительной власти. В данный момент цель шахтёрской борьбы во многом определяли рабочие комитеты и Независимый профсоюз горняков России (НПГР), которые, оправдывая про-

махи президентской политики, призывали поддерживать администрацию Б. Ельцина на пути реформ. Соответственно, в 1992–1993 гг. целью официально организованных акций протестов шахтёров являлась борьба с «антиреформаторскими силами». Не случайно самые громкие из них происходили в Москве [9. С. 323]. Хотя на местном уровне далеко не все горняки были согласны с таким подходом, их выступления носили разрозненный характер и не определяли совместной цели борьбы, что подтверждается весьма противоречивым перечнем социально-экономических требований. Среди шахтёров было распространено мнение, что «новая волна забастовок может свергнуть страну в хаос» [10].

Борьба с «антиреформаторскими силами» определила две важнейшие задачи. Первая – противодействие противникам либеральных реформ в стране. Вторая – поиск и борьба с «виновниками» кризисных явлений на местах. Противниками либеральных реформ в стране объявлялись все прокоммунистические, левые организации и партии. По мнению главных идеологов рабочего движения, они тянули страну назад, т.е. во времена «государственного социализма», строили свою критику на фактах и трудностях «временного» характера и т.д. На государственном уровне главным олицетворением таких сил являлся Верховный Совет РСФСР, который блокировал многие указы президента РФ, что, по мнению Б. Ельцина, сдерживало динамику реформ и негативно отражалось на их эффективности. Поэтому важнейшими задачами представительных органов горняков являлись идейная борьба с противниками реформ (например, выступления и публикации в СМИ) и непосредственное участие в пропрезидентских акциях поддержки.

В начале «шоковой терапии» руководителям шахтёрского движения необходимо было объяснить и оправдать противоречивый характер реформ Б. Ельцина. Под влиянием прежде всего НППР и рабочих комитетов одним из векторов их борьбы становилась критика администраций угледобывающих предприятий. Главными «обвиняемыми» в шахтёрских проблемах являлись директора, их заместители, главные бухгалтеры и другие должностные лица, причастные к добыче, погрузке, переработке и отправке угля. Им ставили в вину нецелевое расходование бюджетных средств, разворовывание имущества, финансовые махинации и т.п., что, по мнению рабочих, в итоге приводило к низкой зарплате и её несвоевременной выплате. Соответственно, еще одной важнейшей задачей шахтёров на первом этапе отстаивания своих прав и интересов являлась борьба с неэффективным руководством угледобывающих предприятий. Уверенность в правильности проводимых рабочими акций протеста придавали отдельные факты привлечения менеджмента шахт и разрезов к административной и уголовной ответственности. Реализация вышеуказанных целей и задач не принесла ожидаемых результатов, хотя и продолжилась в последующие годы на уровне либерально ориентированных рабочих организаций.

Между тем социально-экономические проблемы угледобывающих территорий продолжали усиливаться. Соответственно, шахтёры стали меньше доверять

либерально настроенным НППР и рабочим [11. Л. 109 об.], менять свои протестные взгляды и выстраивать новые подходы в отстаивании жизненно важных интересов. Так же как и в конце 1980-х гг., в середине 1990-х гг. социально-экономические цели и задачи стали всё чаще подменяться политическими [12. Л. 71]. Отсутствие каких-либо позитивных перемен в жизни трудящихся после разгона Верховного Совета РСФСР, а также попытки консолидации оппозиционных сил страны сориентировали цель протестного движения шахтёров. Она заключалась в противодействии социально-экономическому курсу правительства РФ, а также критике деятельности главных проводников непопулярной политики на местах – руководителей шахтёрских территорий. В середине 1990-х гг. такую позицию разделяло большинство горняков. Важную роль в этом сыграли Росуглепрофсоюз и лево-патриотические организации, особенно КПРФ [13. Л. 138]. Шахтёрские города и посёлки стали территорией небывалого роста забастовок [14. С. 78] и других, в том числе радикальных, акций протеста.

Таким образом, цель протестного движения шахтёров на протяжении анализируемого этапа в корне изменилась. Она приобрела оппозиционный по отношению к политике правительства России характер. Новая цель существенно трансформировала задачи протестного движения горняков, ими стали: 1) борьба с потерявшими доверие администрациями угледобывающих регионов, городов и посёлков; 2) критика социально-экономического курса правительства России; 3) увеличение количества всевозможных акций протеста и привлечение к ним сочувствующих из числа представителей различных социально-профессиональных групп; 4) отстаивание не только экономических, но и политических требований.

В условиях несоответствия действий и результатов борьбы шахтёров возникла необходимость выработки новых подходов, которые, с одной стороны, не противоречили бы укрепившейся с 1989 г. идеологии забастовочного движения, с другой – могли повысить эффективность их протестного движения. Такой задачей не позднее чем с 1994 г. стала борьба рабочих с потерявшими доверие администрациями угледобывающих регионов, городов и посёлков. По мнению горняков, региональная и местная власти не справлялись с возложенными на них обязанностями, не отстаивали их интересы на федеральном уровне, попустительствовали не всегда обоснованному закрытию шахт, занимались демагогией, участвовали в совместных с администрацией предприятий коррупционных схемах и т.д. Участвовавшие в акциях протеста рабочие верили в то, что смена региональной власти позволит Кремлю скорректировать процесс реструктуризации угольной промышленности, делает его более социально направленным. Данная задача стала особенно важной в конце рассматриваемого этапа, т.е. в 1996–1997 гг.

К тому времени социально-экономические проблемы шахтёрских городов и посёлков приобрели угрожающий характер. Постоянные обвинения лидеров рабочего движения в адрес «неумелых» руководителей шахт и разрезов перестали пользоваться по-

пулярностью, так как ротация кадров в общем не меняла кризисной обстановки в угольной промышленности. Тем более что в сложном экономическом положении находились не только предприятия шахтёрской отрасли, но и абсолютное большинство других отраслей промышленности страны. Горнякам сложно было резко изменить своё отношение к политическому курсу Б. Ельцина, которого они активно поддерживали на протяжении многих лет, поэтому их недовольство стало ориентироваться на проводимую правительством РФ «шоковую терапию». Президент и сам часто выражал неудовлетворённость результатами социально-экономической деятельности кабинета министров (в том числе и в угольной промышленности), что придавало рабочим чувство солидарности с Б. Ельциным. Поэтому центральной задачей протестного движения шахтёров в середине 1990-х гг. становится критика социально-экономического курса правительства РФ, в том числе и на уровне международных политических и экономических организаций [15. С. 120].

Угледобытчики не только критиковали, но и стремились наладить диалог с российскими министрами. Однако последние редко прислушивались к их мнению, игнорировали многие предложения по угольной промышленности и, в целом, проводили реструктуризацию, используя непопулярные меры. Поэтому другой важной задачей шахтёров являлось увеличение количества всевозможных акций протеста, благодаря которым можно было донести до членов правительства РФ свой голос. Шахтёрские профсоюзы стали ориентироваться не только на увеличение количества акций протеста, но и на рост их географии, а также расширение перечня требований. Особо важным моментом явилось осознание того, что достичь необходимых результатов борьбы горняки могли в случае широкого вовлечения в их акции протеста всех, кто проявлял недовольство деятельностью правительства РФ. Только таким образом можно было продемонстрировать солидарность, силу и решимость в борьбе за свои права и интересы, а также скорректировать общественное мнение в свою пользу.

Рост оппозиционных настроений среди шахтёров в середине 1990-х гг. поставил перед ними другую задачу – отстаивание не только экономических, но и политических требований. Они, по мнению горняков, должны были привести к отставке правительства В. Черномырдина и выработке нового социально-экономического курса. Реализация политических лозунгов являлась более сложной задачей, поэтому в ходе акций протеста даже в конце рассматриваемого этапа доминировали всё-таки экономические требования. Вместе с тем политические лозунги становились всё более востребованы российским обществом, поэтому явились одним из действенных факторов давления на федеральную власть.

Глава государства открыто не реагировал на политические требования горняков, был абсолютно уверен в правильности экономического курса. Однако он не мог полностью игнорировать требования протестующих, тем более такой важной общественно-политической силы, как шахтёры. Вполне выверенным

было решение Б. Ельцина о смене политического руководства отдельных угледобышающих территорий. Показательным шагом навстречу шахтёрским настроениям стала смена в июле 1997 г. главы администрации Кемеровской области. Новый руководитель – А. Тулеев – действительно сумел на несколько месяцев снять напряжённость в крае. Между тем замена руководителя не привела к кардинальным изменениям в социально-экономической сфере ведущего угледобывающего региона. Несмотря на все попытки А. Тулеева снизить протестную активность горняков края, с конца 1997 г. она вновь стала нарастать. Таким образом, реализация требования смены руководства области показала в тот момент слабую зависимость социально-экономической обстановки от региональной власти.

В целом сторонникам президентского курса не удалось долго ориентировать социально-экономические претензии рабочих угольной отрасли в направлении борьбы с «противниками» либерального курса в стране. Между тем шахтёры оказались в замешательстве, были разобщены и действовали самостоятельно. Это снизило их протестные возможности, ограничило участие в реформировании угольной промышленности и подорвало социально-профессиональный статус в обществе.

В ходе второго этапа усиление политической составляющей в широком перечне требований шахтёров стало ещё более очевидным. Общее осложнение общественно-политической обстановки в стране, ухудшение положения в угольной отрасли, невыполнение правительством и президентом РФ обещаний перед шахтёрами, значительное увеличение объёмов задолженности по зарплате и многое другое способствовало дальнейшей радикализации взглядов, требований и действий во всех угледобывающих регионах страны [16. Л. 70]. Рабочие угольной отрасли России почувствовали себя не нужными их бывшему кумиру. Поэтому в первой половине 1998 г. весь их протестный потенциал был направлен в сторону федерального центра.

В то время не только горняки, но и фактически все социально-профессиональные слои населения показывали недоверие президенту и правительству России. Целью протестного движения шахтёров в ходе второго этапа являлась смена руководства страны. К достижению данной цели подключились почти все оппозиционные общественно-политические организации, в том числе и те, которые в предыдущие годы показывали лояльность президенту, например НППР и рабочие комитеты, состав которых существенно изменился. Высокая степень недовольства трудящихся выражалась в увеличении количества радикальных форм протеста, расширении их географии.

Отставка президента, которая позволила бы изменить политический курс в стране, являлась сложной, невыполнимой целью. Лидеры горняцких профсоюзов, в наибольшей степени координировавшие в то время протестное движение рабочих, пытались её реализовать посредством решения следующих задач. Формально ведущей из них стала попытка убедить Б. Ельцина подать в отставку. Тесно связанной с ней была задача объединения вокруг шахтёров всех оппо-

зиционных общественно-политических сил для оказания ещё большего давления на Кремль.

Конституция РФ фактически не давала шанса на легальный способ смещения Б. Ельцина с поста президента. Между тем положение в угольной промышленности стало критическим. Отстранить президента, по мнению горняков, можно было используя коллективное давление и радикальные требования. Морально они были готовы переступить через закон, хотя и не считали это столь необходимым. Для того чтобы убедить Б. Ельцина самостоятельно подать в отставку, требовалось увеличить масштабы протестного движения шахтёров и привлечь на свою сторону трудящихся других отраслей экономики и бюджетных организаций. В течение второго этапа для этого имелись вполне благоприятные условия. В стране заметно усилились протестные настроения как в горняцких коллективах, так и среди трудящихся других отраслей экономики и бюджетных организаций [17]. Лидеры шахтёрских профсоюзов старались воспользоваться общественным мнением, которое складывалось не в пользу Кремля. Неотъемлемым элементом коллективного давления на Б. Ельцина стала радикализация требований рабочих угольной промышленности (как политического, так и экономического порядка). При этом был провозглашён приоритет политических лозунгов. Всё это свидетельствовало о намерении бескомпромиссной борьбы с президентом.

Убедить Б. Ельцина подать в отставку было легче, решив вторую задачу – объединив вокруг шахтёров оппозиционные общественно-политические организации. К тому времени шахтёры стали понимать, что они уже не та мощная сила, которая участвовала в успешном сломе советской системы. В новых исторических реалиях им нужна была опора на другие социально-профессиональные слои и группы, которые в свою очередь ориентировались на организации, представлявшие их в политической системе страны. Данная задача была не менее проблемной, чем предыдущая, так как оппозиция представляла собой конгломерат многочисленных и порой бескомпромиссных политических партий, движений и организаций. Однако без её решения рабочим угольной промышленности трудно было надеяться на успех протестных действий.

Рабочим было безразлично, с кем сближаться в надежде на смену президента [18]. Ситуацию осложняло отсутствие у них общей позиции по вопросу выбора силы, способной довести протест до логического конца. Весной 1998 г. заметно возросло влияние левопатриотических организаций на протестное движение трудящихся. Многие шахтёры готовы были встать под знамёна КПРФ. Однако против сближения с какими-либо политическими организациями выступали профсоюзные лидеры. Руководство НППР и Росуглепрофсоюза предприняло попытку возглавить не только шахтёрский, но и всенародный протест.

Особенно близки к достижению поставленной цели (отставка президента) горняки были во время всероссийских «рельсовых войн» в мае 1998 г. Их протестные действия активно поддерживали рабочие других отраслей

экономики, медики, учителя и пенсионеры, которые непосредственно участвовали в железнодорожных блокадах [19. С. 66–67]. В те дни 62% россиян одобрили перекрытие важных транспортных магистралей [20]. «Рельсовые войны» активно поддерживали оппозиционные партии, движения и организации левого фланга. Фракция КПРФ в Государственной Думе организовала деятельность по импичменту президента, по всей стране активизировались акции протеста трудящихся и т.д. Возможность серьёзных социально-политических катаклизмов в стране признавали даже представители верхних эшелонов власти. Обострение обстановки в шахтёрских регионах «создало угрозу политической стабильности, а в ряде случаев и национальной безопасности», заявил на брифинге пресс-секретарь президента С. Ястржембский, комментируя состоявшееся 25 мая 1998 г. в Кремле заседание Совета безопасности России [21. С. 1]. Однако Б. Ельцин, используя широкий спектр финансовых и политических мер, сумел купировать недовольство трудящихся и сохранить пост президента. Надежды горняков на собственные силы не оправдались. Общественно-политические партии и организации, в общем, ограничились моральной поддержкой. Соответственно, шахтёрам пришлось отказаться от радикальных взглядов и смягчить свои политические претензии к Кремлю.

Всероссийские «рельсовые войны» показали слабость рабочей солидарности. На всём протяжении второго этапа шахтёрское сообщество имело неоднородное мнение по вопросу политических лозунгов [7. С. 68]. Его умеренная часть по-прежнему была убеждена в бесперспективности политического противостояния с президентом и отказывалась от крайних методов борьбы. Этой позиции придерживались прежде всего рабочие передовых шахт и разрезов, которые отказывались от участия как в самостоятельных, так и в коллективных забастовках. Они почувствовали хоть и незначительные, но всё-таки положительные результаты реформ. Преобразования в других отраслях народного хозяйства, как это было в конце советской эпохи, рабочих угольной промышленности уже почти не интересовали. Они приняли рыночные преобразования и не хотели рисковать стабильностью. Так как проблемы с выплатой зарплаты имелись фактически везде, горняки сравнительно благополучных шахт и разрезов также прибегали к акциям протеста. Однако ими использовались такие формы и методы борьбы, которые не наносили урона собственным и смежным предприятиям, например, пикеты, демонстрации, митинги и т.п. Главной целью их участия в акциях протеста являлся поиск диалога с правительством России. Данную цель, в общем, поддерживали профсоюзы, в том числе и отраслевые. Заметным образом в течение второго этапа такую позицию усиливал Росуглепрофсоюз.

Важнейшим направлением умеренно настроенной части шахтёров являлось изменение правительством РФ курса реструктуризации отрасли в сторону усиления социальной защиты. Данная задача не противоречила интересам радикально настроенной части горняков, которые, в сущности, готовы были идти на

уступки Кремлю в случае позитивных перемен в социально-экономической сфере угольных территорий. Реальные и эффективные преобразования, по мнению не только рабочих, но и менеджмента шахтёрских предприятий, могли решить весь комплекс отраслевых проблем, а также вопросы жизнедеятельности городов и посёлков. Отсутствие среди рабочих всеохватывающей реальной политической солидарности во время всероссийских «рельсовых войн» в мае 1998 г., а также ужесточение конкурентной борьбы между угледобывающими предприятиями и компаниями актуализировали эту задачу в конце второго этапа. Ведущую роль в её претворении стали играть отраслевые профсоюзы. Они укрепили своё влияние на протестную активность горняков после стихийных акций протеста, которые имели весьма противоречивые результаты. Таким образом, шахтёрское сообщество дало сигнал Кремлю о готовности пересмотреть цели и задачи своей борьбы.

На третьем этапе наблюдалось значительное снижение протестной активности рабочих угольной промышленности. Ещё какую-то заметную борьбу они показывали в августе–сентябре 1998 г. Дальше наблюдался стремительный спад. Данные изменения во многом стали следствием малопродуктивной борьбы на предыдущем этапе. Они так и не смогли «поменять» президента. Шахтёрское сообщество было деморализовано, их борьба испытала серьёзнейший кризис. Ухудшение социально-экономического положения во второй половине 1998 г. не привело к новым масштабным акциям протеста. Всё меньше россиян верили в протестные возможности горняков, которые и сами стали сомневаться в способности достижения далеко идущих целей [22]. Это определило изменение стратегии и тактики отстаивания их трудовых прав и интересов. Несмотря на дальнейшее политическое давление осенью 1998 г., мало кто верил в возможность отставки президента РФ. Шахтёрская борьба приобрела разрозненный и ещё более конъюнктурный характер с преобладанием социально-экономических требований.

Вполне закономерно, что в основе новой стратегии и тактики протестного движения коренилась потребность сохранения места и роли шахтёров в общественно-политических процессах российского государства. Радикально настроенным горнякам пришлось менять содержание борьбы, так как их самостоятельные усилия не имели того эффекта, который был в 1989 г. За время реформ их стало значительно меньше (примерно в два раза [23. С. 17]), а действия носили разрозненный характер. Рабочие угольной промышленности были вынуждены ориентироваться и на общественное мнение, которое уже летом 1998 г. стало меняться не в их пользу [24. С. 71]. С августа того года целью протестного движения шахтёров стал поиск взаимовыгодного компромисса с властью, т.е. возобладали подход, ранее характерный только для умеренно настроенной их части. Достижение компромисса, с одной стороны, позволяло горнякам снять общественно-политическую напряжённость в угледобывающих регионах и начать совместно с органами власти и управления решать социально-эконо-

мические вопросы городов и посёлков, с другой – сохранить свой, и так ослабленный, статус и авторитет.

Нельзя утверждать о полной капитуляции горняков перед властью. Отдельные заметные акции протеста, хоть и по убывающей, но всё-таки происходили. К тому же в стране имелись и другие факторы дестабилизации общественно-политической обстановки (финансовый дефолт, ситуация на Северном Кавказе и т.д.), что не позволяло недооценивать протестный потенциал шахтёров. Компромисс был выгоден власти, поэтому начиная с мая она обозначила свои намерения по активизации действий в решении проблем угольной промышленности. В июне–июле наблюдалась позитивная динамика сокращения задолженности по зарплате шахтёрам. В итоге в августе–сентябре 1998 г. произошла существенная трансформация цели их протестного движения. Это изменение имело обратную эволюцию – от радикального до компромиссно-соглашательского подхода.

Ослабление протестного движения, а в результате – изменение его цели внесло свои коррективы в перечень задач шахтёров. Первой и главной из них становится поддержка действий отраслевых профсоюзов, которые стали основным контрагентом правительства РФ. Вторая, логически связанная с главной, – это ограничение шахтёрских коллективов от влияния леворадикальных общественно-политических партий и движений.

Рабочие угольной промышленности были согласны на компромисс с властью, но при этом пытались извлечь для себя максимальную выгоду. Так как власть показывала готовность контактировать только с официальными представителями, важнейшей задачей для всех сторон, заинтересованных в выводе угольной промышленности из кризиса, являлась поддержка отраслевых профсоюзов. Решение данной задачи позволяло горнякам в конструктивной форме выражать своё недовольство, выстраивать взаимовыгодный механизм сотрудничества, сохранять достойное место и роль в общественно-политических процессах. На это указывает факт заметного снижения количества стихийных и незаконных акций протеста. Все массовые и резонансные действия по отстаиванию социально-экономических интересов возглавляли шахтёрские профсоюзы.

Еще одной важной и взаимосвязанной с предыдущими задачей стало ограждение шахтёрских коллективов от влияния леворадикальных общественно-политических партий и движений. Таким образом укреплялось доминирование отраслевых профсоюзов, сохранялась политическая самостоятельность и независимость шахтёров как крупной социально-профессиональной группы. Отказ от массовых и радикальных акций протеста гарантировал доверительное и взаимовыгодное сотрудничество с властью.

Политический консенсус с властью осенью 1998 г. явился выгодным манёвром лидеров шахтёрских профсоюзов, позволившим перегруппировать силы для дальнейшей борьбы. В сложившихся политических и экономических условиях они уже не помышляли об открытом противостоянии с властью, стали ориентироваться на легальные формы защиты трудовых прав. В

следующем, 1999 г. основные политические надежды рабочих угольной промышленности были связаны с предстоящими парламентскими выборами. Это явилось следствием улучшения макроэкономической ситуации в стране, политической «усталости» шахтёров, а также усиления правовой ответственности как за задержку заработной платы, так и за участие в незаконных акциях протеста. В последние месяцы третьего этапа рабочие угольной промышленности стали объектом активной предвыборной борьбы со стороны партий и общественных движений. По справедливому мнению С.В. Позднякова, «партийное строительство существенно оттянуло на себя энергию политического протеста, отвлекло широкие массы от стихийных проявлений протестного характера, породило надежды на возможность решения актуальных жизненных проблем с помощью политических институтов, декларирующих заботу о различных категориях населения как свою основную задачу» [25. С. 118].

Взаимовыгодное сотрудничество определило цель протестного движения шахтёров того времени – отстаивание экономических интересов собственных предприятий. Эта цель не имела конфронтационного характера, устраивала все стороны, заинтересованные

в решении социально-экономических вопросов шахтёрских территорий, в том числе и власть, которая действительно шла на уступки.

Таким образом, ослабление протестного потенциала шахтёров обусловило существенную трансформацию целеполагающих действий, которые стали вписываться в либерально ориентированную систему общественно-политических отношений.

Возвращаясь к поднятому в начале статьи вопросу, отмечу следующее. Если и была со стороны рабочих угольной промышленности угроза либерально-демократическому развитию России в течение рассматриваемого периода, то только в момент пика их протестного движения – это май 1998 г. Однако даже в тот критический для страны момент они особо не скрывали приоритет своих материальных интересов над политическими [26. С. 89]. В реальности целевые установки борьбы шахтёров в 1990-е гг. мало соответствовали духу забастовочного движения «перестроечного» периода. Это стало причиной частой критики в их адрес со стороны либеральных идеологов рабочего движения, в том числе критики необоснованной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордон Л.А. Крутой пласт: Шахтёрская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен. М., 1999.
2. Кацва А.М. Массовый протест в социально-трудовой сфере. Коллективные действия наемных работников в современной России: истоки, проблемы и особенности. М.; СПб., 2002.
3. Ильин В.И. Власть и уголь: шахтёрское движение Воркуты (1989–1998 годы). Сыктывкар, 1998.
4. Борисов В.А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтёрского движения за 1989–99 гг.). М., 2001.
5. Максимов Б.И. Рабочие в реформируемой России, 1990-е – начало 2000-х годов. СПб., 2004.
6. Лопатин Л.Н. Шахтёры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989–90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения.). Кемерово, 2009.
7. Воронин Д.В., Воронина Н.В. Голоса шахтёров 90-х. Томск, 2013.
8. Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1307. Оп. 1. Д. 1880.
9. Хроника трудового подвига. Междуреченск, 2005.
10. Шальнев Б. Цены выше крыши // Горняцкая солидарность (Новокузнецк). 1992. 23 янв.
11. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 661. О. 1. Д. 268.
12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 1578.
13. Архивный отдел администрации г. Берёзовского Кемеровской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 7.
14. Яткин А.М. Социальная напряженность в углепромышленных регионах: социальный феномен, реальность и перспектива // Уголь. 2005. № 9.
15. Борисов В., Бурнышев К. Кузбасс: перед большим огнем // ЭКО. 1997. № 9.
16. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 3703. Оп. 1. Д. 32.
17. Петрова А. Россияне об акциях протеста. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/of19981603 (дата обращения: 13.02.2015).
18. Ильясова Г. Курс на Москву! // Заполярье (Воркута). 1998. 27 мая.
19. Кертман Г.Л. «Рельсовая война» в политическом измерении. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/form_anti/o836301 (дата обращения: 13.02.2015).
20. Соловенок И.С. «Рельсовые войны» в России в 1998 году. Томск, 2011.
21. Акции протеста шахтеров в мае 1998 года (информационно-аналитический обзор) // Горняцкая солидарность. 1998. 14 авг.
22. Постановление Независимого профсоюза горняков Воркуты, Воркутинской организации Росуглепрофсоюза и Воркутинского профсоюза за горных инженеров // Заполярье. 1998. 4 авг.
23. Яновский А.Б., Скрыль А.И. Реструктуризация угольной промышленности России: предпосылки, опыт, проблемы, перспективы // Уголь. 1999. № 7.
24. Анисимова Г.В. Оплата труда и забастовочная активность трудящихся в 1990–2000 годы // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М., 2004.
25. Поздняков С.В. Политический протест: дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2002.
26. Поцелуев С.П. Ритуализация конфликта (по материалам «рельсовой войны» 1998 г.) // Полис. 2004. № 3.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 марта 2015 г.

GOALS AND OBJECTIVES OF RUSSIAN MINERS' PROTEST MOVEMENT DURING THE TRANSITION TO MARKET ECONOMY (1992–1999)

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 143–149. DOI 10.17223/15617793/394/24

Solovenko Igor S. Yurga Institute of Technology of Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: igs-71@rambler.ru

Keywords: Russia; transition to market economy; miners; protests; goals; objectives.

In the evolution of goals and objectives of miners' protest movement in the 1990s, a number of separate stages can be identified. In the first phase (1992–1997) officially organized miners' protests were aimed at fighting against "anti-reform forces". Its implementation was based on two tasks. The first one concerned opposition to the antagonists of liberal reforms. The second one aimed at fighting with the local "culprits" of the crisis. Meanwhile, the social and economic problems of coal-mining areas got worse. The aim of the protest movement changed. It became opposite to the government's policy. The new goal significantly transformed the tasks of the protest movement, they included: 1) struggle with those who did not trust the local authorities; 2) criticism of the social and economic policy of the government; 3) increasing protests and involving their supporters; 4) advocacy of both economic and political demands. Miners did not achieve serious results, which provoked further radicalization of their struggle. In the second phase (January – July 1998), the protest movement of miners aimed at resignation of the president. The main goal was to try to persuade Yeltsin to resign. The task of uniting all opposition political forces around the miners was closely related to it in order to provide even more pressure on the Kremlin. However, Boris Yeltsin, using a wide range of financial and political measures, managed to reduce the disagreement of workers and retain the presidency. Miners' hopes on their own strengths did not materialize. They had to soften their political claims. In the third phase (August 1998 – 1999), the aim of miners' protest movement was to find a compromise with the government. The main task was to support actions of trade unions, which became the main contractor of the government. The second problem concerned the restriction of miner collectives from the influence of left radical political organizations. Thus, weakening of miners' protest potential identified a substantial transformation of purposeful actions, which entered into the liberal-oriented system of social and political relations. If there was a threat to the liberal-democratic development of Russia from the workers of coal industry in the period under review, it was only at the peak of their protest movement in May, 1998. But even at that critical moment for the country they did not avoid the priority of their material interests over political ones. In reality, the goals of miners' struggle in the 1990s did not match the goals of a strike movement during the period of perestroika. This was the reason for their frequent criticism from the liberal ideologists of labor movement, including the unfounded one.

REFERENCES

1. Gordon L.A. *Krutoy plast: Shakhterskaya zhizn' na fone restrukturalizatsii otrasli i obshcherossiyskikh peremen* [A steep seam: Miner's life against the background of the restructuring of the industry and nationwide change]. Moscow: fond "Reformugol", 1999. 352 p.
2. Katsva A.M. *Massovyy protest v sotsial'no-trudovoy sfere. Kollektivnye deystviya naemnykh rabotnikov v sovremennoy Rossii: istoki, problemy i osobennosti* [Mass protests in social and labor sphere. Collective actions of employees in modern Russia: origins, challenges and features]. Moscow; St. Petersburg: Letniy sad Publ., 2002. 200 p.
3. Il'in V.I. *Vlast' i ugol': shakhterskoe dvizhenie Vorkuty (1989–1998 gody)* [Power and coal: miners' movement in Vorkuta (1989–1998)]. Syktyvkar: Syktyvkar State University Publ., 1998. 270 p.
4. Borisov V.A. *Zabastovki v ugol'noy promyshlennosti (analiz shakhterskogo dvizheniya za 1989–99 gg.)* [The strike in the coal industry (the analysis of the miners' movement of 1989–99)]. Moscow: ISITO Publ., 2001. 416 p.
5. Maksimov B.I. *Rabochie v reformiruemoy Rossii, 1990-e – nachalo 2000-kh godov* [Workers in the reformed Russia, 1990s – early 2000s]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2004. 277 p.
6. Lopatin L.N. *Shakhtery i "nachal'stvo" o rabochem dvizhenii Kuzbassa v 1989–90-e gg. K 20-letiyu zabastovki (Istoriografiya. Analiz. Mneniya)* [The miners and the "bosses" of the labor movement in Kuzbass in 1989 – 1990s. To the 20th anniversary of the strike (Historiography. Analysis. Opinions)]. Kemerovo, 2009. 224 p.
7. Voronin D.V., Voronina N.V. *Golosa shakhterov 90-kh* [The voices of the miners of the '90s]. Tomsk, 2013.
8. National Archive of the Republic of Komi. Fund R-1307. List 1. File 1880.
9. Korolyov B.A. (ed.) *Khronika trudovogo podviga* [Chronicle of the labor deed]. Mezhdurechensk: Kontakt Publ., 2005. 427 p.
10. Shal'nev B. Tseny vyshch kryshi [Sky-high prices]. *Gornyatskaya solidarnost'*, 1992, 23 January.
11. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 661. List 1. File 268.
12. State Archive of the Russian Federation. Fund 10128. List 1. File 1578.
13. Archive Department of the Administration of Berezhovskiy city of Kemerovo Oblast. Fund 55. List 1. File 7.
14. Pyatkin A.M. *Sotsial'naya napryazhennost' v uglepromyshlennykh regionakh: sotsial'nyy fenomen, real'nost' i perspektiva* [Social tensions in the coal-mining regions: social phenomenon, reality and prospects]. *Ugol'*, 2005, no. 9.
15. Borisov V., Burnyshev K. Kuzbass: pered bol'shim ognem [Kuzbass: in front of a large fire]. *EKO*, 1997, no. 9.
16. Documentation Centre of the Modern History of Rostov Oblast. Fund 3703. List 1. File 32.
17. Petrova A. *Rossiyanse ob aktsiyakh protesta* [Russians about the protests]. Available from: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/of19981603. (Accessed: 13.02.2015).
18. Il'yasova G. Kurs na Moskvu! [To Moscow!]. *Zapolyar'e*, 1998. 27 maya.
19. Kertman G.L. *"Rel'sovaya voyna" v politicheskom izmerenii* ["Rail war" in the political dimension]. Available from: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/form_anti/o836301. (Accessed: 13.02.2015).
20. Solovenko I.S. *"Rel'sovye voyny" v Rossii v 1998 godu* ["Rail war" in Russia in 1998]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publ., 2011. 209 p.
21. Aktsii protesta shakhterov v mae 1998 goda (informatsionno-analiticheskiy obzor) [The protests of miners in May 1998 (information-analytical review)]. *Gornyatskaya solidarnost'*, 1998. 14 August.
22. Postanovlenie Nezavisimogo profsoyuzu gornyakov Vorkuty, Vorkutinskoy organizatsii Rosugleprofsoyuzu i Vorkutinskogo profsoyuzu gornykh inzhenerov []. *Zapolyar'e*, 1998. 4 August.
23. Yanovskiy A.B., Skryl' A.I. *Restrukturalizatsiya ugol'noy promyshlennosti Rossii: predposylki, opyt, problemy, perspektivy* [The restructuring of the coal industry of Russia: prerequisites, experience, problems and prospects]. *Ugol'*, 1999, no. 7.
24. Anisimova G.V. *Oplata truda i zabastovoch'naya aktivnost' trudyashchikhsya v 1990–2000 gody* [Wages and strike activity of workers in 1990s – 2000s]. In: Churakov D.O. (ed.) *Rabochie v Rossii: istoricheskiy opyt i sovremennoe polozhenie* [Workers in Russia: historical experience and current situation]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 303 p.
25. Pozdnyakov S.V. *Politicheskiy protest*: dis. kand. polit. nauk [The political protest. Political Science Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2002.
26. Potseluev S.P. Ritualization of a Conflict (With Materials of the 1998 "Rails War" Examined). *Polis – Polis. Political Studies*, 2004, no. 3, pp. 83–94. (In Russian).

Received: 24 March 2015